

ВОЗВРАЩАЯСЬ К АНДРЕЕВУ

Вернуться к проблемам, связанным с В.В. Андреевым, меня побудила статья Ольги Семененко, опубликованная в предыдущем номере журнала («Дед Антип или АС. Паскин?» — «Народник», 2009, № 2, с. 12—18). Статья эта возникла по своим причинам, но побочным результатом ее исследования стала возможность ответа на мой давнишний вопрос: «Как могло случиться, что сам Андреев, живя в деревне, услышал балалайку только в 1883 году?» («Народник», 2002, № 4, с. 32). М.И. Имханицкий с этой датой не согласен, считая ее «неправдоподобной» («Народник», 2008, № 1, с. 15). Он просто перечисляет разные варианты из разных источников — 1880, 1882, 1888. Но даже самый ранний вариант (по Н.П. Штиберу) — конец 70-х годов (например, 1878 год) не спасает все эти даты от «неправдоподобия». То есть, невероятно, чтобы Андреев (1861—1918) до 17 лет не имел никакого понятия о балалайке. Так что мой вопрос остается в силе в любом случае, при самых разных цифрах.

Статья О. Семененко дает возможность взглянуть на проблему иначе — не «как могло случиться», а «что случилось» лет тридцать назад, если считать от 1913 года, когда Андреев устанавливал дату своего знакомства с балалайкой. Встреча с А.С. Паскиным в нашей исторической науке всегда была «довеском» к красочному рассказу Андреева о впечатлении от игры Антипа, не более того. О ней можно было вскользь упомянуть, а можно было и вообще ничего не говорить. Теперь эти события как бы уравнились (впервые представлен материал об АС. Паскине в полный голос) и стало возможным говорить о приоритетах.

Андреев утверждает, что к 14 годам он уже играл на 12 инструментах. О. Семененко спрашивает: «Пытался ли кто-нибудь выяснить, на каких именно инструментах играл охочий до музыки барин?» (с. 15). Биограф В.В. Андреева Ю. Баранов приводит список инструментов, применительно к более позднему времени (к началу 80-х годов). Для различного рода благотворительных и любительских коллективов Андреев подготовил номер — «человек-оркестр»: «на сцене выстраивался ряд стульев, на них были положены скрипка, флейта, гармоники разных систем, рожки разного рода, гитара, мандолина и другие инструменты. Василий поочередно исполнял на каждой какую-нибудь популярную мелодию, в заключение играл на рояле» (Баранов Ю. Василий Андреев. Тверь, 2001, с. 25). Балалайки среди них нет.

Приведу еще одно любопытное свидетельство. Ю. Баранов описывает события 1882 года, когда после окончания гимназии Андреев ездил в Италию. Там он «слушал итальянские песни и игру на народных инструментах — мандолине, гитаре, волынке. На них играли в тавернах, на улице, в аристократических особняках. В письме к матери он с недоумением спрашивает, почему же у нас народные инструменты в загоне, и выражает мнение, что гусли вполне могут составить конкуренцию. О балалайке он ничего еще не знает {Баранов Ю. Цит. соч., с. 23, курсив мой — Б. Т.).

Андреев жил попеременно то в своем имении, то в Петербурге (учился в гимназии). Неужели балалайку нельзя было встретить ни в деревне, ни в городе? В каком пространстве она существовала?

Между тем производство балалаек шло полным ходом. В фонде А.С. Илюхина (в РГАЛИ) содержатся данные каталога Первой Всероссийской выставки музыкальных инструментов, проводившейся в С.-Петербурге, в Соляном городке в декабре 1906 — январе 1907 годов. В этом каталоге на с. 12 под № 20 значится хозяйка фирмы Александра Александровна Каммерат. Вот данные о ее предприятии: «Фабрика балалаек. Существует с 1842 года. Производство фабрично-ре-месленное; 40 рабочих. Производство доходит теперь до 2000 балалаек в месяц при годовом обороте в 50000 рублей. Сбыт в Россию и за границу. Материалы русские и заграничные. Имеет награду — почетный отзыв, полученный в 1870 году». Понятно, что приведенный объем производства инструментов относится к 1906 году, но если фабрика существует с 1842 года, то куда подевались все балалайки, выпущенные за 30—40 лет до начала 80-х годов? Почему их упорно не замечал Андреев?

Снять покров тайны в этом вопросе нам помогут признания А.С. Паскина из приложения к статье О. Семененко: «Будучи страстным любителем музыки, я слышал и балалайку еще в

руках крепостных людей моего деда, генерала Нилова, но должен сказать, что игра приказчика и кучера не производила на меня впечатления, т. к. инструменты у них были весьма плохого качества, да и репертуар слишком ограничен. Затем начала появляться и процветать гармоника, и я, увлеченный этим инструментом, будучи мальчиком, с нетерпением ожидал праздничных дней, когда получал подарки в виде различных типов гармоник. Так дело шло до случайной встречи моей с артистом Императорского Московского театра Демидовым». И далее: «Когда Демидов заиграл, то я был поражен его искусством. В интеллигентных руках при знании музыки игра чистая, с оттенками, производила чарующее впечатление...» (с. 17).

История иногда проявляет свойство повторяться, и если мы заменим фамилии (Паскина на Андреева, а Демидова на Паскина), то получим дежавю. Разница лишь в том, что А.С. Паскин очень спокойно пишет, что инструмент производил на него отрицательное впечатление (это то, в чем Андрееву не хотелось признаваться) и он не интересовался им вплоть до встречи с Демидовым.

Но что же делать с датой 1883 года? Она всё-таки правдоподобна, но относится не к встрече с Антипом, а к впечатлению от инструмента и игры АС. Паскина. Не могу настаивать именно на этой цифре, андреевское «лет тридцать тому назад» вполне может относиться и к 1884 году. Этой даты придерживаются А. Лачинов, А. Пересада и Ю. Баранов. Никто из них не говорит о происхождении даты, но Ю. Баранов соотносит эту дату с поездкой Андреева в Самару в июле 1884 года, а потом пишет, что осенью этого года состоялась встреча Андреева с Паскиным. В сведениях такого рода (о происходящем в Бежецке или Твери) Ю. Баранов может быть лучше информирован, но ссылок на местные архивы или на принадлежащие ему документы он почти не делает. По моему мнению, надо вести речь о 1883—1884 годах до окончательного выяснения.

А вот встречу с Антипом датировать не удастся никогда. Утверждать можно только то, что она была ранее встречи с Паскиным, а предположить — то, что она не оставила в Андрееве того следа, о котором он нам так выразительно поведал. Он просто перенес впечатление от Паскина на Антипа, и в этом заключалось «лукавство и двойное дно», которые я так опрометчиво отрицал в своих «Заметках об Андрееве» («Народник», 2004, № 3, с. 8). Вероятно, в данном случае Андрееву понадобился именно Антип, чтобы подчеркнуть преемственность своих начинаний от простого народа, а не от помещика-дворянина Паскина.

Статья О. Семененко и приводимые ею документы вносят ясность в этот давно запутанный вопрос и дают адекватную оценку той роли, которую волею судеб сыграл А.С. Паскин в жизни В.В. Андреева. Мне хотелось бы только добавить к этому одну очевидную, но важную подробность. Будучи одарен многими талантами, Андреев долго не мог произвести выбор между ними. Встреча с А.С. Паскиным обозначила для Андреева цель его жизни, направив колоссальную энергию этого еще молодого человека в единое русло.

Р. S. Не секрет, что определенная часть народников относится с настороженностью к любым попыткам объективного освещения жизненного и творческого пути В. В. Андреева. В своей последней работе — «Энциклопедии балалаечника» (Краснодар, 2008) в статье об А.С. Паскине А.И. Пересада вынужден был даже специально оговорить: «Здесь нет стремления в какой-то мере умалить значение Андреева в реформировании народных инструментов, а преследуется единственная цель — научная достоверность».

Исследователей же порой настораживают совсем другие факты, о которых читатель может и не знать. Приведу один из многих. В свое время меня не насторожил, а просто поразил один документ 1939 года, адресованный Николаю Петровичу Фомину в день его творческого юбилея.

«...Всесоюзный комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР

Управление по делам искусств при Ленинградском Совете РК и КД

Уважаемый Николай Павлович (sic! — Б.Т.). В день 50-летия Вашей плодотворной педагогической, композиторской и общественной деятельности, Управление по делам

искусств при Ленинградском Совете РК и КД приветствует Вас, одного из старейших деятелей в области развития русской народной музыки.

Музыкальная общественность Ленинграда знает Вас как одного из организаторов старейшего профессионального оркестра народных инструментов, носящего имя Вашего учителя (sic! — Б.Т.) — В.В. Андреева, как воспитателя многих...» (РГАЛИ. Ф. 695. оп. 1, ед. хр. 134, л. 3). Дальше можно не читать, да и сам Н.П. Фомин вряд ли читал.

Как странно, что значение таких людей как Н.П. Фомин переоценить очень трудно, а вот недооценить, одновременно унизив человека, оказывается, очень легко. Ведь такое отношение к Фомину вытекает из оценок, складывающихся в обществе, которое все заслуги отдало В.В. Андрееву.

Б. Тарасов

(Народник, 2009, №3. С. 13,14)